

The background of the cover is a painting of a woman's face and upper torso. She has long, dark, wavy hair and large, expressive blue eyes. Her face is rendered in a pale, almost yellowish-green tone. She is holding a large, light-colored bowl filled with numerous small, vibrant blue flowers. The style is expressive and somewhat somber.

18+

МИЛА ТУМАРКИНА

**Маленькие
фанатики Луны**

Мила Тумаркина

Маленькие фанатики Луны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38269027

SelfPub; 2018

Аннотация

Начало цикла рассказов под общим названием "Сердечная недостаточность". Рассказы исключительно для взрослых. Даже не 18+, а скорее для тех, кому за 30.

Содержание

Бабочка на плече	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Бабочка на плече

Последнее время жизнь доктора Ухова дала трещину, как его любимая чашка. И защита докторской откладывалась на неопределенное время, потому что его научный руководитель неожиданно уехал в Америку. На постоянное место жительства. И теперь в Министерстве здравоохранения не могли решить, кому же возглавить данное научное направление. А главное – от него ушла жена.

Все, что угодно мог ожидать Ухов, но только не это. Он привык к ней настолько, что почти не интересовался ее жизнью. Ему казалось, что жизнь давно налажена, и налажена удачно. Он за мамонтом, она у очага.

Окончил с отличием престижный вуз, ординатуру. В двадцать пять блестяще защитил кандидатскую. Его научные статьи публиковались в солидных медицинских журналах во многих странах мира. Ему писали письма маститые ученые. Готова докторская. И всего-то тридцать восемь лет за спиной. Он возглавляет кафедру, читает лекции, оперирует. Его имя пользуется большим уважением в медицине, в городе называют его «последней инстанцией перед Богом». Это ли не признание! И семейная жизнь складывалась нормально, дома чисто, ужин на столе... Как ему казалось, до того злополучного вечера, когда жена Лора совершенно спокойно, превеличленно спокойно сказала ему, что любит другого, давно

с ним живет, а теперь уходит...

Ухов смотрел на тонкое, будто выписанное акварелью, лицо жены, удивительно моложавое и по-прежнему красивое, и с ужасом сознавал, что испытывает облегчение. Будто вскрыт давно мучивший всех нарыв. Он хорошо помнил, как сильно любил ее, как добивался и страдал, как умолял о рождении ребенка. И теперь, бродя по огромной, недавно отремонтированной и обставленной новой мебелью квартире (дочь давно уже училась за границей и требовала от Ухова только одного: регулярно платить за учебу и отправлять ей деньги на съем жилья и еду), прекрасно понимал: что-то в его жизни пошло не так. Не сложилось, не убереглось. Ощущение одиночества, ненужности и неуверенности, совсем ему не свойственных, выбивало из привычной колеи. Делало раздражительным и агрессивным. Приходя вечерами домой, буквально валился с ног с одним единственным желанием – завалиться спать. На ужин сил не хватало. Да и не было ужина. В холодильнике сиротливо прятались десяток яиц и кефир, стоящий там уже неделю. Но и во сне ему не было покоя.

Этот сон, который снился ему с какой-то регулярной последовательностью, выматывал похлеще работы. Будто идет Ухов по июньскому лугу ранним утром, где-то журчит ручей, солнышко только начинает припекать, а трава еще прохладная, так и хочется упасть в нее и смотреть на бегущие облака. Но тут появляется бабочка совершенно удивительной

окраски и размера. Ухов ошеломлен. Он пытается поймать ее, рассмотреть поближе, запомнить мельчайшие линии на ее крылышках, переходы от одной краски к другой, но она не дается, будто манит куда-то. Ухов бежит за ней, протягивая руки, и не может поймать. И когда, совсем изнемогший от погони, останавливается, бабочка садится на его плечо. Удивительная, необыкновенная, покорная...

Именно в этот момент его наполняло ощущение такого невероятного счастья, легкости, почти невесомости, что перехватывало дыхание. Он просыпался. Всегда на одном и том же месте. Долго потом смотрел в потолок, чувствуя учащенное биение сердца и выступивший на лбу пот.

Ухов презирал всяческую мистику и недосказанность. Только конкретность. Только по существу. Но реальность утекала, как вода из непочиненного крана на кухне, и он совершал странные поступки. Вот и сегодня: завелся так, что чуть не ударил этого новенького, белобрысого молокососа.

Перед операцией и после – в ординаторской обычно травили анекдоты. Рассказать новый анекдот, не слышанный никем, считалось высшим пилотажем и почти приравнивалось к блестяще сделанной операции. Жорка Саркисов, однокурсник Ухова и давний друг, был мастером высокого класса. Большой, толстый, волосатый и очень добрый, Жорик был хирургом «божьей милостью», но совершенно не честолюбивым. Его, в отличие от Ухова, любили до обожания в хирургическом отделении, да и во всей больнице. Ухова

уважали, восхищались, боялись, а Жорку любили. И в этом было существенное отличие. Две большие разницы, как говорят в Одессе. Жорик сглаживал все острые углы и умело гасил взрывной и очень властный характер друга.

В этот день Ухов не смеялся и не поддерживал разговор. Операция прошла не удачно, вернее не так, как он планировал. Белобрысый интерн, присланный из ординатуры, завел всех. Жорка громко смеялся, показывая свои сахарные крупные зубы, и от восторга закатывал глаза. Ординаторская взрывалась хохотом и одобрительным гудением. Практикант становился своим.

– А хотите, я расскажу историю? – предложил молчавший и не смеявшийся Ухов. Ординаторская приготовилась к очередной хохме. Все знали: Ухов рассказывал редко да метко. Он закурил, и неожиданно для себя и для всех, рассказал о сне.

В ординаторской повисло молчание. Не знали, как реагировать. До того это было не похоже на Ухова.

– Удивительное дело, – прервал молчание полюбившийся всем интерн, – по японским поверьям, если бабочка садится на плечо к человеку, то он скоро умрет. И засмеялся, ожидая, что все поддержат его удачную шутку. Но ординаторская оцепенела. Молчание становилось угрожающим. Белобрысый, казалось, не заметил неловкости, и весело закончил:

– Но у нас далеко не Япония... Тут о вас рассказывают легенды, – он нагло и весело посмотрел на Ухова. – Вы, ка-

жется, бегаете по утрам и в теннис играете? Долго ждать места... И не мы сегодня под вашим ножом, – сострил он.

Ухова будто кто-то подкинул. Он рванулся к белобрысому и ударил бы, если б не Жорка.

Когда Ухов отдышался, в ординаторской уже никого не было, только Саркисов почему-то держал его руки.

В конце дня, когда две тяжелейшие операции уже закончились, и сводка для области была почти готова и только ждала его подписи, в кабинет вошла его заместитель, добрейшая Вера Тихоновна.

– С вами хотят поговорить, – почему-то шепотом сказала она. Не дожидаясь его ответа, дверь открылась. Посетительницу он знал в лицо. Они даже встречались на каких-то областных приемах и показах... Ее было трудно не запомнить. Породистое красивое лицо с миндалевидными зелеными глазами портил лишь слишком хищный вырез тонкого носа, придавая ей облик ястреба. А длинные, ярко накрашенные ногти, дополнив образ, сразу стали раздражать его. Дама резко села без приглашения, открыла дорожную сумочку известного бренда, резко закурила.

– Георгий Александрович, – начала она.

– Александр Георгиевич, – поправил Ухов.

– Извините, Бога ради, – у дамы погасла сигарета, она судорожно сжала в руке зажигалку. Ухов поднес ей спичку.

– У меня дочь, – вдруг совершенно спокойно сказала она.

– У меня тоже, – без тени иронии ответил он. Но дама по-

считала, что он сказал иронично. Она внимательно посмотрела на Ухова, и лицо ее приняло надменное выражение, окончательно испортив его.

– Срок шесть месяцев, – сухо проговорила она. – Но ребенка не должно быть, а главное – никто не должен об этом знать. И лучше все сделать под другой фамилией. Мою в городе знают, пойдут сплетни. Вот такая банальная история! – насмешливо и уже совершенно владея собой, сказала она. – Вот документы, анализы, направление.

Ухов внимательно склонился над бумагами, и похолодел. Просмотрев каждую, он вдруг спросил:

– А кто вас послал именно ко мне?

– Наш общий знакомый – Юрий Николаевич, – и назвала фамилию замминистра насмешливо, и даже чуть с ехидцей в голосе и глазах.

– Значит, Прохоров! – вдруг подыграл ей Ухов. – Никого-то он у нас не боится, даже Бога, хрен старый... Он ерничал, стараясь скрыть растерянность. Юрий Прохоров, его старший товарищ по мединституту, теперь занимал довольно высокий пост в областном управлении здравоохранения, и по слухам, его забирали на повышение в столицу, а на его место прочили Ухова.

Юрка, капитан баскетбольной сборной института, умница и свой парень, не мог не знать, что с таким диагнозом редко выносят детей до срока и редко выживают в обычных родах, не то что в преждевременных. Ухова затрясло. «Значит,

дамочка-то ой, не проста, и меня подставить с этим как два пальца об асфальт, а главное – девчонку не спасем», – все эти мысли проносились в его голове, вызывая жуткую злость, почти ярость.

– Вот что я вам скажу, уважаемая... – он чуть замялся, сдерживая гнев, подступающий с новой силой.

– Ольга Сергеевна, – подсказала дама.

– Вот – вот...

Его колотило. Ухов пытался сказать ей что-то помягче и сдерживал себя изо всех сил.

– Ольга Сергеевна! – набрался решительности Ухов и, уже не выдержав, зло закричал: – Я не буду делать то, о чем вы меня просите. Это преступление. Могу сказать лишь одно: если я сделаю это – я не врач.

Дама судорожно сжала ручку сумочки, но сказала совершенно спокойно:

– Вы это сделаете, именно вы! С вашим опытом и профессионализмом... Иначе вам придется очень пожалеть, понимаете, Ухов, вас просто больше не будет, как врача не будет!

Она, улыбнувшись, встала.

– Завтра я ее приведу. Я умею быть благодарной, слышите, Ухов?

Она пошла к двери.

– А вы эмоциональны, не ожидала, – с неуместным кокетством произнесла Ольга Сергеевна.

Ухов не прореагировал. Злость прошла, а ее место заняла

страшная усталость.

– У вашей дочери больше не будет детей. Никогда... Если вообще все получится, – очень тихо проговорил он.

– Ну, это еще бабушка надвое сказала! – Ольга Сергеевна повернула ручку двери. – Ей семнадцать, всего семнадцать, у нее вся жизнь впереди, все успеет. Да и доброе имя, сами понимаете.

Она вышла. Дверь громко хлопнула. И этот звук отозвался болью. Ухов сидел, не двигаясь.

Утром, после привычной планерки, он делал обход нарочито медленно. Давно увидел, что Ольга Сергеевна сидит у кабинета, а рядом с ней...

– Это не девочка, мармелад! Ух, ты, какая! – восторженно зашептал Жорик, и его глаза заблестели от удовольствия. Но Ухов так полоснул его взглядом, что тот осекся и быстро выскользнул из ординаторской. Ухов не понимал, что с ним творится.

Когда Вера Тихоновна пригласила их в кабинет, он уже был совершенно спокоен. Сдержанно и сухо, даже слишком сухо расспрашивал девушку, еще раз внимательно прочитал документы. Выписал направление на госпитализацию, и когда ее увели переодеваться в приемный покой, твердо попросил Ольгу Сергеевну написать расписку, что она не будет иметь претензий к отделению патологий и лично к хирургу Ухову за последствия операции. И когда она писала расписку, Ухов едва подавил желание прибить ее тут же, на

месте. Правда, руки у нее дрожали, и лицо покрылось красными пятнами. Ухов не понимал себя, но волнение и растерянность Ольги Сергеевны вызывали в нем удовлетворение и даже злорадство, совсем ему несвойственное. Но когда девушка, почти ребенок, уже переодетая в нелепый, большой халат для отправки в палату, вошла к нему в кабинет, Ухов с хирургической точностью понял, что пропал. Окончательно и бесповоротно. Ему захотелось спрятаться от всего, зарывшись в ее теплые медовые волосы и замереть так навек, и спасти ее и себя. Но на спине в самом центре халата, как мишень, красовался огромный штамп отделения патологии. И это отрезвило Ухова.

В палате, куда привели Вику, было тихо. Две женщины, лежавшие на кроватях, даже не повернулись к вошедшим.

– Послеоперационные, тяжело им еще, – сказала медсестричка. – Вам повезло, самая спокойная палата. Она быстро и ловко заправила койку и, ободряюще улыбнувшись, вышла. Вика села на краешек кровати и огляделась. Одна из женщин была закрыта с головой, видимо, спала. Около другой стояла капельница, опутанная трубками. Рука женщины, к которой тянулись трубки, была неестественно серого цвета. Вике стало страшно и захотелось домой. Она открыла пакет, достала косметичку. Из зеркала на нее смотрела какая-то чужая, взрослая женщина. Вика не узнавала в ней себя. Лицо побледнело, стало резко очерченным, куда-то пропали щеки, а губы приобрели яркую окраску. И запавшие глаза све-

тились, будто в них зажглись маленькие лампочки. Но больше всего ее пугали внутренние изменения. Она, почти физически ощущала, как каждую минуту в ее организме строится что-то новое, какой-то свой мир, полностью подчиняющий ее еще не родившемуся маленькому человечку. Она его уже любила. И подолгу думала, что же плохого в том, что у нее будет ребенок? Почему маме это причиняет страдание? Вика очень жалела маленького, но еще больше было жалко маму. Она вспомнила, как мама сама знакомила ее с Вадимом – сыном очень известного человека, заискивала, неестественно улыбалась, настаивала, чтобы Вика общалась с этой семьей почаще, поплотнее, узнала их сына поближе, пригодится для жизни, говорила она. И без труда, с какой-то незнакомой, фальшивой улыбкой, отпускала ее к нему на дачу погостить, без вопросов, по первому требованию – и вот, теперь сердится... Плачет. Вика думала, что согласна избавиться даже от мыслей о ребенке, лишь бы не повторились материнские истерики и сердечные приступы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.